

1

Он не поехал на лифте, а пошел по лестнице. Ступенька за ступенькой, этаж за этажом. Механически фиксируя белизну стен, зеленые цифры рядом с лифтом, обозначающие этаж, зеленые двери. Потом, выйдя на улицу, так же механически продолжал фиксировать свежий воздух, пешеходов на тротуаре, машины на дороге, строительные леса у дома напротив.

Его первой мыслью было: почему я не поехал на лифте? Ведь у меня теперь осталось так мало времени. Он остановил проезжавшее мимо такси и сел в машину. Водитель, поздоровавшись, выразил удовлетворение по поводу прекрасного утра, первого после нескольких дождливых дней. Синело небо, светило солнце, на газоне разделительной полосы цвели крокусы. И в самом деле прекрасное утро, подумал он. Как я всегда радовался весне после долгих зимних месяцев, когда на город давило низкое, серое небо!

Поздняя жизнь

Пока они ехали по городу, он вспомнил грозу, от которой прятался вот под этим навесом, доклад, который читал вот в этой церкви; вечер, проведенный с молодой женщиной, своей будущей женой, вот в этом ресторане; почтовое отделение на углу, где покупал марки, отправлял и получал посылки, пока это отделение в прошлом году не закрыли; учителя йоги, который приходил к нему два раза в неделю и жил вот в этом доме; старика, который сидел одно лето на стуле перед тем домом и приветствовал прохожих. А вот тут он прошлой осенью ехал на велосипеде по мокрой траве и упал. Это были лишь обрывки воспоминаний; откуда и куда он шел, когда началась гроза, о чем был доклад, который он читал в церкви, как сильно они с той молодой женщиной были влюблены и насколько эта влюбленность осталась в прошлом, что было перед тем, как он упал на велосипеде, и что после того, — ничего этого в его воспоминаниях не было.

Зато мозг его непрестанно сверлила мысль: должен ли он с сегодняшнего дня спешить? Почему он решил воспользоваться лестницей, а не лифтом? Хотя он ничего не решал, а просто пошел по лестнице, так же как не принимал решения поехать на такси, а просто остановил машину и в нее сел.

Может, все эти «просто пошел по лестнице» или «просто сел в машину» теперь оста-

Часть первая

лись позади и отныне он должен тщательно обдумывать, как использовать свое время? Но ведь тщательное обдумывание тоже требует времени? Все эти мысли были непродуктивны, но он никак не мог их отогнать. Когда ему это в конце концов удалось, в голову полезли белизна стен, зеленые цифры и зеленые двери — такая же непродуктивная работа мозга.

— Приехали, — услышал он вдруг голос водителя.

Он совсем не следил за дорогой, не смотрел, как раньше, на таксометр и не достал заранее портмоне. Он вернулся в реальность, лишь когда машина остановилась и водитель повернулся к нему. Расплатившись, он вылез из машины и прошел в палисадник через калитку, которая уже не закрывалась сама, потому что сломался доводчик. Давно было пора заняться калиткой. Нужно ли теперь поторопиться, или это уже не имеет значения?

Дома никого не было. Жена помогала подруге в галерее, а сын был в детском саду. Он застыл на месте в прихожей и никак не мог решить, что делать. Снять плащ и повесить? Пройти на кухню и сварить кофе? Или в кабинет, где у него на столе лежала рукопись статьи, над которой он работал уже неделю? В гостиную? И сесть в кресло?

2

Какого черта его понесло к врачу? Останься он дома, ничего бы не произошло, он ничего бы не узнал, а то, чего не знаешь, не существует.

Он покачал головой. А почему он, собственно, не должен был идти к врачу? Уже почти месяц он страдал от упадка сил, думал, что это просто малокровие или авитаминоз, и ожидал услышать какие-нибудь рекомендации по поводу образа жизни и получить какой-нибудь рецепт. Врача он знал давно, они были почти приятели, хотя общение их ограничивалось стенами клиники. Он был старше врача на двадцать лет и радовался, что тот не уйдет на пенсию и не вынудит его перед смертью искать другого врача. Ежегодный осмотр, прививки, время от времени небольшие проблемы с желудком или с горлом, изредка люмбаго — ничего серьезного. И вот после УЗИ, анализа крови и мочи, компью-

Часть первая

терной томографии врач сообщил ему, что у него рак поджелудочной железы. Правда, теперь это не так страшно, как раньше, поспешил врач успокоить его, химиотерапия шагнула далеко вперед; кроме того, есть новые, эффективные методы лечения, и экспериментальные, и успешно испытанные. Однако его болезнь уже прогрессировала, и врач не может ничего гарантировать и не хочет ничего обещать, но чем раньше начнется лечение, тем лучше.

Он слушал и смотрел на врача, на его глаза, которые тот упорно отводил, на его руки, которые передвигали какие-то бумаги на столе и в конце концов одну из них скомкали.

— Сколько мне осталось?

Врач помедлил с ответом:

— Этого я сказать не могу.

— Но хоть что-нибудь вы сказать можете? Три недели? Три года?

— Думаю, полгода, не больше.

— А как я буду себя чувствовать в эти полгода?

— Если повезет — как сейчас. Только слабость и упадок сил будут нарастать.

— А если не повезет?

— Меня беспокоят метастазы в ваших костях. Боли могут стать невыносимыми. Тогда нам придется подумать, где вам будет лег-

Поздняя жизнь

че: дома, в отделении паллиативной помощи или в хосписе.

Он пожал плечами:

— Вообще-то, я неплохо переношу боли.

Врач покачал головой:

— При поражении позвоночника... — Он разгладил скомканный лист. — Господин Брэм, вы помните, мы с вами как-то раз, несколько лет назад, говорили о смерти? Вы сказали, что предпочли бы покончить с собой, чем умирать в муках. Кажется, вы даже запаслись древесным углем. На всякий случай. — Он глубоко вздохнул. — Мы знаем друг друга уже давно, поэтому я позволю себе дать вам совет: не делайте этого. Моей жене было двенадцать, когда ее отец наложил на себя руки, и она до сих пор до конца не оправилась от этой травмы. И никогда не оправится. Ваш сын еще младше, но ему было бы не легче. Дайте ему возможность проститься с вами. В последние недели он мог бы сидеть вместе с мамой у вашей постели и постепенно свыкнуться с вашим уходом.

В первый момент он почувствовал раздражение, оттого что врач явно перешел черту. Но вовремя заметил, что тот и сам это понял и немного смутился. Потом он прочел в его глазах уверенность в своей правоте и в важности совета, искреннюю симпатию и заботу о его сыне.

Часть первая

— Я вас понял.

Он встал. Врач тоже поднялся из-за стола и подошел к нему. Может, решил обнять его в знак утешения? Он сделал шаг назад, попрощался и вышел из кабинета, прежде чем врач успел что-нибудь сказать.

3

И вот он стоял в прихожей и удивлялся, что никак не может ни на что решиться, и это после того, как он так решительно простился с врачом. Через несколько часов он встретится с женой и сыном. Как? Заберет Давида из детского сада, словно ничего не случилось? А как быть с Уллой? Сначала промолчать и рассказать обо всем только после ужина, уложив Давида спать? Сидя с ней на диване, обняв ее за плечи, за бутылкой вина, перед горящим камином?

Прощаясь с врачом, он проявил решимость и сделает то же самое в отношении жены и сына. Ему не должно помешать то, что он уже не знает, к кому себя причислять — к живым или к мертвым, не понимает, как теперь относиться к самому себе. Он снял плащ, сварил кофе и сел на диван в гостиной.

Он знал: то, что сказал врач, еще не дошло как следует до его сознания. Так было

Часть первая

всегда. Когда от него ушла первая подруга, его первая любовь, он только через несколько дней осознал, что ее больше не будет в его жизни, что он больше не увидит ее, не будет с ней говорить, прикасаться к ней, спать с ней. Лишь тогда он почувствовал боль и печаль. Нечто подобное он испытал и после успешной защиты диплома, когда он, лучший студент курса, почувствовал радость только через несколько дней; до этого он боялся верить в успех, ждал, что экзаменационная комиссия сообразит, что ошиблась, и вот-вот исправит свою оплошность. Иногда эта заторможенность ему помогала; он не реагировал эмоционально на неожиданности, на провокации, на кризисы, и все принимали это за хладнокровие, хотя это был вовсе не самоконтроль, а просто отсутствие чувств, которые появлялись позже. Часто на него обижались за его запоздалую радость по поводу подарка, признания в любви, ярких интимных моментов. Он даже начал задумываться, все ли с ним в порядке, стал подозревать себя в бесчувствии, в том, что просто знает, какие эмоции положено испытывать в определенных ситуациях, и выражает их сообразно случаю. А что положено испытывать в его ситуации — перед лицом смерти?

Ему было семьдесят шесть лет, и конечно, в последние годы он не раз задумывался

Поздняя жизнь

о смерти. По профессии он юрист, а его главным увлечением была история — история права и история вообще. Умирать ему не хотелось, потому что он не узнает, как все пойдет дальше — дойдет ли до войны между Америкой и Китаем, если да, то кто победит, что будет с Европой и с Германией, что будет с человечеством в условиях глобального потепления. На бессмертие он не претендовал, но был не прочь продолжить существование каким-нибудь способом, который позволил бы ему следить за развитием событий и наблюдать жизнь в будущих столетиях так же, как в прошлых. С другой стороны, смерть избавила бы его от необходимости видеть, как отмирают леса и поднимается уровень Мирового океана, как кончается эра демократии и люди снова жаждут тоталитаризма. А иногда его охватывал удушающий страх небытия, вечного холода. И ему становилось стыдно. Небытие есть небытие — зачем же бояться того, чего нет?

4

Он посмотрел на часы. Задумавшись, он не заметил, как уснул. Это был упадок сил, который сопровождал его уже месяц и будет сопровождать до конца. Улла взяла машину, поэтому ему придется идти пешком; пора забирать Давида из детского сада.

Он делал это каждый день. Делал с удовольствием, но всякий раз боялся, что Давид наконец обратит внимание на то, что других детей забирают молодые родители, а за ним приходит старик, которому больше подошла бы роль дедушки. Вряд ли Давид уже заметил, но из любви к отцу скрывает это. А может, он ошибается? Может, Давид уже привык, как привыкли другие дети и их молодые родители, несколько лет назад и в самом деле считавшие его дедушкой? Он не хотел, чтобы Давид чувствовал себя изгоем, и надеялся, что все обойдется: скоро, в начале лета, детский сад кончится, а в конце августа Давид пойдет в школу.

Поздняя жизнь

Покидать территорию детского сада детям разрешалось только в сопровождении взрослых. Но Давид, увидев его, не стал дожидаться, когда он войдет во двор, а бросился навстречу и, не обращая внимания на окрики воспитательницы, выскочил на тротуар. Как это не похоже на моего тихого, робкого сына, подумал он. Сколько энергии, какая ловкость, какая радость бытия! Ему стало и весело и грустно. Он присел на корточки, раскинул руки в стороны, поймал сияющего, смеющегося сына и крепко обнял.

— Папа, я ему врезал!

Он сразу понял, о ком говорил Давид. Бен был самым большим и сильным в их группе, и всем от него доставалось.

— Он опять меня толкнул, а я ему врезал как следует, и он упал.

Он почувствовал гордость за сына, который долго терпел тычки и толчки и наконец решился постоять за себя.

— Молодец, Давид! Правильно сделал.

— А Ангелика меня ругала. Она хочет поговорить с тобой.

— Ну что ж, пойдём, поговорим с Ангеликой.

Он встал, Давид взял его за руку, и они пошли к калитке.

Все было так, как рассказал Давид. Ангелика понимала, что со стороны Давида это

Часть первая

была самозащита, но ее испугало, что такой спокойный ребенок вдруг проявил такую агрессию. Бен упал, сказала она, и поранился до крови; за ним пришла мама и увела его домой. Давиду придется потом извиниться перед Беном, а Бену перед Давидом.

— Я не хочу извиняться, — заявил Давид.

— Вот, пожалуйста, вы слышали: он не хочет извиняться. Он должен извиниться не за то, что защищался, а за то, что сделал Бену больно. Вы с ним поговорите?

Он решил подождать до вечера, когда Давид будет лежать в постели. Дома они собирали самолет из лего. Позвонила Улла, сказала, что у нее еще много дел и она придет не раньше девяти, велела им ужинать без нее. После ужина он уложил Давида в постель, почитал ему на ночь. Потом закрыл книгу и взял его за руку:

— Ты хотел сделать Бену больно?

— Я хочу, чтобы он умер.

Давид заплакал.

— Неужели он такой плохой?

— Он все время меня толкает и все у меня отнимает. И у Беа тоже, а когда она плачет, он ее пинает.

Когда ему было чуть больше, чем Давиду, соседка пожаловалась его матери, что он обозвал ее «целкой-динамисткой». Мать заставила его извиниться, и он скрепя сердце из-

Поздняя жизнь

винился, хотя даже не знал значения этих слов. А потом не мог себе простить, что позволил так унижить себя, что сам так унился.

— Если Бен попросит у тебя прощения, ты сможешь извиниться?

Давид покачал головой.

— А если он скажет, что больше не будет тебя обижать, ты сможешь пообещать, что не будешь больше драться?

— И Беа тоже.

— И Беа тоже.

Давид задумался. Но у него уже слипались глаза.

— Поговорим завтра. Ты не сделал ничего плохого. Я люблю тебя.

5

К приходу Уллы он растопил камин и приготовил вино и бокалы.

— О!

Сняв и повесив плащ, она остановилась на пороге гостиной, молодая, красивая, уверенная в себе. Он не понял, что означало это «О!» — радость или разочарование, обрадовала ли ее перспектива провести вечер с ним, или она предпочла бы заняться своими делами. У него было такое впечатление, что ей не хотелось выдавать своих чувств, что она просто приняла соответствующее выражение лица. Почему это все чаще приходит мне в голову, подумал он. Интересно, она замечает мой упадок сил? Может, она видит, что мне и без того тяжело, и не хочет усугублять мое состояние еще и своими чувствами? Бывает ли у нее самой тяжело на душе? А может, она старается отстраниться от меня, выдохшегося старика, от моей старости?